

Панкратова Елена Владимировна

ЖУРНАЛ "ЧАСЫ": ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ НЕОФИЦИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье рассматриваются социокультурные функции, которые в процессе становления независимого движения Ленинграда взял на себя машинописный журнал "Часы" (1976-1990 гг.). Одной из задач журнала стала выработка новой идеологии, в которой неофициальная среда заняла бы оправданное место. Данная теория была выражена в работах Б. И. Иванова, опубликованных в первых номерах издания. Основные характеристики "второй" культуры, определённые в статьях, отразились на принципах издания самого журнала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 152-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.09

Филологические науки

В статье рассматриваются социокультурные функции, которые в процессе становления независимого движения Ленинграда взял на себя машинописный журнал «Часы» (1976-1990 гг.). Одной из задач журнала стала выработка новой идеологии, в которой неофициальная среда заняла бы оправданное место. Данная теория была выражена в работах Б. И. Иванова, опубликованных в первых номерах издания. Основные характеристики «второй» культуры, определённые в статьях, отразились на принципах издания самого журнала.

Ключевые слова и фразы: андеграунд; «вторая» литература; неофициальное культурное движение; неподцензурная литература; самиздат.

Панкратова Елена Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
rashamechic@mail.ru

**ЖУРНАЛ «ЧАСЫ»: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ
ОСНОВ НЕОФИЦИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ©**

На сегодняшний день независимое искусство 1950-1980-х гг., существовавшее в нашей стране вопреки государственной политике СССР, начинает активно изучаться. История неофициального движения вписывается в литературный процесс XX века. В статье рассматривается период середины 1970-х годов, когда общество «подпольных» авторов Ленинграда приходит к осознанию своего творчества как самостоятельной неконформистской культуры.

Формирование единой литературно-художественной независимой среды могло осуществиться только за пределами государственной системы. Показателем этого стала неудачная попытка диалога с властью, – в 1975 году инициативная группа (Ю. Н. Вознесенская, Б. И. Иванов, В. Б. Кривулин, К. К. Кузьминский, Е. А. Пазухин) решила официально выпустить альманах «Лепта», составленный из произведений авторов самиздата. Выход сборника, по мысли редакторов, должен был заявить о «второй» литературе как о сложившемся самостоятельном явлении. Отказ издательства «Советский писатель» в публикации показал, что государство не признаёт право на существование культурной жизни, кроме как регламентируемой сверху.

Однако невозможность легального существования в рамках доминирующей идеологии не отменила потребность в самоидентификации, а напротив, усилила её, что привело к изменению стратегии в поведении и в формировании собственного образа среды андеграунда.

Вместо попыток добиться признания государством «второй» литературы как части общего культурного процесса страны, неофициальная среда вырабатывает идею самодостаточности. В практическом плане утверждение позиции независимости воплотилось в появлении во второй половине 1970-х годов толстых самиздатских журналов. Издания были направлены на обеспечение потребности читателей в недоступной для них литературе, а авторов – в потребности быть опубликованными.

Основанный в это время журнал «Часы» выпускался весь оставшийся период истории «второй литературной действительности» вплоть до её естественного завершения после отмены цензуры.

Б. И. Иванов, главный редактор «Часов», рассматривал назначение самиздата как «устранение посредника между автором и читателем, посредника, который присваивает себе право решать, что заслуживает издания, а что нет» [4, с. 82]. Инициативная группа (И. А. Адамацкий, В. Э. Долинин, А. Т. Драгомощенко, Б. И. Иванов, С. И. Коровин, Ю. В. Новиков, Б. В. Останин, С. С. Шефф) – «часовщики» – взяли на себя функцию восстановления контакта между произведением и публикой, тем самым показывая возможность независимости от официальных институтов.

При этом в задачи издания входила не только публикация произведений, отражение текущей ситуации в различных сферах искусства, знакомство с современными зарубежными писателями, философскими трудами, но и аналитическое осмысление существования неконформистского движения.

Сформулированные Б. И. Ивановым принципы общественно-литературного журнала призваны были обеспечить изданию максимально долгую жизнь при условии потребности в нём у читателей.

Первый принцип концепции издания заключался в том, что «Часы» призваны были «отражать естественным образом естественный ход литературного процесса» [Там же, с. 85]. Данная позиция оказывалась противопоставленной официальному искусству, зависимому от цензурных требований. «Часы» компенсировали насильственные искажения картины современной культуры. Кроме того, принцип, согласно которому составитель «не должен делать журнал направленческим» [Там же, с. 84], отличался от концепции начавшего выходить параллельно с «Часами» самиздатского журнала «37» (1976-1981 гг.). Редколлегия (Т. М. Горичева, В. Б. Кривулин, Л. А. Рудкевич) во вступительном слове к первому номеру сообщает, что в разделе «Художественная проза» и «Стихи» будут входить публикации «наиболее интересных произведений современной русской литературы, которые почему-то не могут быть опубликованы в официальных изданиях» [1] и «наиболее интересных поэтов

Ленинграда, Москвы и других городов» [Там же]. То есть в «37» предполагался отбор, критерии которого не обозначались, но определялись интересами составителей номеров. В журнале преобладала религиозно-философская тематика материала, так как издание не стремилось, как «Часы», продемонстрировать широкий срез неподцензурной литературно-художественной жизни, а выражало её квинтэссенцию – лучших авторов и наиболее значимый, с точки зрения основателей журнала, аспект интересов среды андеграунда. Т. М. Горичева на конференции «Нравственное значение неофициальной культуры», состоявшейся 12 декабря в 1977 году, высказала мысль, важную для понимания ориентации «37»: «Культурное движение в Ленинграде и Москве немислимо без религиозного» [8, с. 173]. То есть журнал «37» как издание независимого движения в первую очередь должен был отражать религиозные искания представителей сообщества. В «Часах» также достаточно регулярным был раздел «Религия», в отдельных номерах встречаются разделы «Теология» и «Богословие», статьи по вопросам веры и церкви помещаются и в других рубриках, например «Время и проблемы». Но данное направление не преобладает в журнале, а даётся наравне с другими. Наличие в «Часах» статей по религиозным темам отражает стремление редакции передать неофициальное культурное движение во всей его полноте.

Кроме того, в отличие от «37», практически не публиковавшего прозу, а сосредоточившегося на поэзии, «Часы» как журнал, отражающий все стороны литературного процесса, имел оба соответствующих раздела.

Второй принцип проистекал из стремления сохранить издание от насильственного закрытия. То есть печатаемый материал не должен был быть провокационным, а поведение членов редколлегии не должно было вызывать повода для внимания к ним со стороны КГБ. В отличие от «37» «часовщики» не искали контакта с «западом» и не пытались передать номера за границу. Содержание касалось исключительно культурной жизни и не затрагивало темы политики или правозащитной деятельности. По сути, журнал призывал принять ситуацию в стране в том виде, в котором она существует, и сосредоточиться на собственной творческой деятельности. Б. И. Иванов назвал эту позицию «новым почвенничеством» [4, с. 85]. Данный принцип был продиктован исторически сложившимися условиями, но переосмыслен и подан в контексте всей философской системы главного редактора журнала как часть идеологии независимого движения, основанной на утверждении самодостаточности.

Третье положение концепции заключалось в строгой регулярности выхода журнала: «людям нужны лишь те —Часы», которые —«дят»» [Там же]. Название метафорически выражало эту идею непрерывности издания. Журнал появлялся раз в два месяца и имел фиксированный объём – около 300 страниц. Постоянными были разделы «Проза» и «Поэзия». За исключением некоторых выпусков, всегда присутствовали «Переводы». Начиная с одиннадцатого, практически во всех номерах была рубрика «Изобразительное искусство», и с чуть меньшей периодичностью (с № 12) – «Хроники», иногда модифицировавшиеся в «Хроники, заметки, сообщения», «Хроники, заметки, письма», «Хроника, рецензии». После № 27 частым стал уже упоминавшийся раздел «Религия». «Философия», «Литературоведение», «Проблемы культуры», «Публикации» и разделы, посвящённые музыке («Музыка», «Музыковедение»), повторяются в достаточно большом количестве выпусков. Есть разделы, только изредка встречающиеся в журнале, например, «Культурология», «Полемика», «Современная драматургия», и присутствующие только в единичных выпусках – «Документы», «Письма домой», «Проблемы науки», «Очерки» и др. То есть журнал не столько стремился выработать чёткую структуру, сколько охватить всё многообразие культурной жизни, которая меняется и не может укладываться в раз и навсегда установленную схему номеров. С другой стороны, редколлегия была открыта для сотрудничества, и при появлении человека, готового осветить новую грань литературно-художественного сообщества, появлялась и соответствующая рубрика.

Кроме того, данный принцип регулярности коррелировал с идеей Б. И. Иванова об обязательности развития культуры, которая не может существовать без постоянного обновления. «Часы» должны были способствовать этому процессу.

Обратная связь с читательской аудиторией обеспечивалась через четвёртый принцип издания – «журнал должен покупаться» [Там же]. Подписка была платной и составляла за номер 12-15 рублей, которые шли на оплату труда машинистки и покупку расходных материалов. По замыслу Б. И. Иванова готовность вносить денежные средства для поддержания «Часов» свидетельствовала о заинтересованности в их существовании. В. Б. Кривулин избрал в издательской деятельности противоположный принцип. Все работы по созданию «37», включая печать и переплетение, должны были производиться исключительно на основе добровольного бескорыстного участия. Если потребность в журнале есть, то значит будут те, кто готов трудиться над ним безвозмездно. Соответственно, и распространялся журнал свободно. На деле, правда, идея неоплачиваемой работы иногда преобразовывалась в работу по договору на основе взаимобмена. Н. Л. Малаховская, значащаяся секретарём издания, например, согласилась переплести номера при условии, что её произведение будет напечатано в «37».

На данный момент сведения о платной подписке на «Часы» доказывают действительную потребность в них читателей, покупающих номера на протяжении их выхода все двадцать четыре года. Причём можно сделать вывод, что данное издание предоставляло уникальный материал, который не мог быть получен из других машинописных журналов, распространявшихся бесплатно.

Главный редактор Б. И. Иванов обеспечивал регулярность выпусков, взяв на себя основную часть организационной работы и даже переплёт и доставку подписчикам. Именно благодаря его инициативе «Часы» выходили в рекордный для самиздата срок. Вскоре после появления первых номеров к подготовке журнала присоединился Б. В. Останин, сосредоточивший внимание на развитии раздела «Переводы». В «Часах» публиковались произведения Р. Барта, С. Беккета, Х.-Л. Борхеса, Э. Гуссерля, А. Камю, С. Мрожека, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. Кроме того, Б. В. Останин осуществлял работу по привлечению новых авторов, не только ленинградских, но и из других городов. Одна из регулярных рубрик – «Изобразительное искусство»,

в которой освещались значимые события в сфере общественно-культурной жизни неофициальных художников, образовалась благодаря Ю. В. Новикову. С его приходом к сотрудничеству (после № 11) за «Часами», которые первоначально были задуманы как альманах, закрепился титул журнала. Редколлегия постепенно расширялась за счёт вступления в неё постоянных читателей. Их функции не были закреплёнными и заключались в основном в следующем: раз в два месяца «часовщики» собирались для того, чтобы обсудить последний выпуск и определить направление нового номера. Среди участвующих в заседаниях были: И. А. Адамацкий, Д. Б. Волчек, В. Э. Долинин, А. Т. Драгомощенко, С. А. Завьялов, С. И. Коровин, С. Г. Стратановский, С. С. Шефф и др. Члены редколлегии были не просто издателями, а представляли тип «общественного активиста» [Там же, с. 82]. С целью способствовать развитию неподцензурного искусства и стимулировать исследовательскую мысль они изобретали и воплощали новые формы культурной жизни, например, литературную премию имени Андрея Белого (присуждавшуюся за достижения в неофициальной прозе, поэзии и критике с 1978 года), конференции, семинары и т.п. «Клуб-81», ставший первой легальной независимой литературной организацией, был естественным продолжением инициативной деятельности «часовщиков».

Как печатный орган независимого искусства, журнал взял на себя функцию выражения «самосознания» неконформистской культуры. По свидетельству главного редактора «Часов», «само движение мы стремились анализировать и его развитию способствовать» [Там же, с. 87]. Это осмысление, которое образует вполне законченную философскую систему, было выражено в статьях Б. И. Иванова: «Две ориентации. Общество» [3]; «Возвращение парадигмы» [2]; «По ту сторону официальности» [5]; «Экзистенциализм?.. Мимо» [7]; «Повторение пройденного» [6] и др. Так как данные работы имеют практическую цель, заключающуюся в утверждении идеи самодостаточности неподцензурного творчества, они могут трактоваться как идеология неофициального движения. Теория Б. И. Иванова основывалась на представлении о строении общества, согласно которой литературный и художественный андеграунд занял место единственного носителя культуры. Статус искусства «подполья» объявлялся по меньшей мере равноправным любому государственному институту, а образ жизни независимых авторов оправдывался. Низкий социальный уровень участников самиздата рассматривался как закономерный, а выход к широкому кругу читателей – как необязательный.

В статьях Б. И. Иванова неизбежность разрыва с официальными структурами постулируется как проявление универсального закона разделения общества на две полярные ориентации – «социальную» и «культурную». Первая направлена на материальные ценности, вторая – на метафизические. При этом неизбежно вытеснение второго направления на периферию жизни общества, но «граница человеческого мира, таким образом, становится центром стяжения людей за-социальной ориентации, институализация людей этого типа духовности – и есть то, что называется культурой в узком смысле этого слова» [3, с. 334].

Принадлежность к одному из двух направлений («социальному» или «культурному») объяснялась онтологическими установками, изначально присущими каждому человеку. «Социальная личность» склонна к иерархической системе взаимодействий, основанной на авторитетах, и к интерпретации действительности с точки зрения заданной догмы, в которой мир уже познан и объясним.

Противоположный, «за-социальный», тип противится любым структурам, налагаемым на его образ жизни извне. В статье «Повторение пройденного» Б. И. Иванов пишет: «Внутри неофициальной гуманитарии системы ценностей не заданы – они вынашиваются и создаются, то есть в сферу творчества вовлечено и то, что сам, например, поэт признаёт священным. <...> Художник сам выбирает традиции, к которым причисляет себя» [6, с. 237].

Отличие двух ориентаций находится не в области взаимного отрицания, а в способе контакта с реальностью. Для «социального» человека картина мира задана, одинакова для всех, устойчива. Люди «духовного» направления воспринимают действительность индивидуально через непосредственное её проживание, что порождает разнообразие в интерпретации бытия. «Культурную среду создаёт не единство ответов на множество вопросов, что мы наблюдаем в социальной среде, а множество ответов на один и тот же вопрос, что создаёт лавину информации, избыток проекций, что, в сущности, и образует цветение любой культуры и человека в культуре» [5].

«Духовный» тип не отвергает социум, не борется с ним, а игнорирует в силу отсутствия интереса. «За-социальная» ориентация не участвует в любых формах общественной жизни. Исходя из этого, Б. И. Иванов определяет принцип культурного движения как независимость от:

1. массовой информации (газет, радио, собраний и т.д.);
2. организационности (нечленство, незавербованность);
3. устойчивых форм быта;
4. профессионализма (стремлений получить «правильное» образование, найти «интересную работу») [2].

Подчёркнём, что в концепции Б. И. Иванова оправданы оба направления и их способы существования, не принимается только подавление одного другим. «Работа написана с абсолютным приятием к людям той или иной ориентации. В каждой попытке утвердить иерархически ту, к которой тот или иной человек расположен, – в этом нет ничего, кроме претенциозности: «Каждому своё»» [3, с. 309].

В рассматриваемой исторической ситуации под «социумом», очевидно, подразумевалась система советского государства, точнее все те, кто признают правительственную иерархию ценностей и живут в соответствии с ней. «Культурой» оказывалась среда андеграунда. Советская идеология, основанная на соответствии канону, включается как часть в теорию строения общества, предполагающую сосуществование двух различных мировоззрений. Неприятие официальными институтами неподцензурного искусства становится следствием отнесённости их к противоположным ориентациям.

Уход представителей «духовного» направления в непрестижные профессии (лифтёры, сторожа, кочегары, дворники и т.п.) объяснялся неспособностью функционировать в государственной системе. «Они изыскивают занятия, которые допускают значительные отступления от регламентации или такие, где регламентация элементарно проста: –еидеть и смотреть”, –Включать и выключать”» [Там же, с. 322]. Падение вниз по социальной лестнице трактуется не только как естественный, но и как желательный путь для представителя культуры. «Момент поражения на социальном поприще, которое объясняется в категориях социальной ориентации: –не понял... и не справился”, –не уважал”..., –не проявил готовности”, и т.д. является решающим событием для обнаружения своего типа направленности. <...> –Надение” как –освобождение”, как более полное нахождение себя, – экзистенциальный опыт за-социального человека. Он понимает, что, по мере продвижения от центра социальной иерархии к периферии, перед ним открывается –одлинный мир”» [Там же, с. 324-325].

Маргинализация независимых авторов рассматривается Б. И. Ивановым как условие «институализации культуры». Статьи Б. И. Иванова «Две ориентации. Общество» [3] (цитата из которой была приведена выше) и её продолжение – «По ту сторону официальности» [5], философски осмысливают исторические реалии 1970-х годов, когда наблюдалось освоение творческой интеллигенцией профессий сторожей, кочегаров, лифтёров и т.п. Данный вид занятий способствовал свободе творчества: во-первых, освобождал время, а во-вторых, избавлял от страха карьерного падения как меры наказания за инакомыслие. «Нищета, которая была следствием отказа от социальной ориентации, вскоре была осмыслена и как судьба, и как духовная необходимость, и как условие творческой свободы» [Там же].

Теория Б. И. Иванова предполагает универсальность деления общества на два типа и не ограничивается конкретной исторической ситуацией. Она описывает именно общую схему, а контекст издания позволяет неподцензурную литературу причислить к проявлению духовной ориентации. Вневременной характер, например, подтверждается ссылкой на подобные мысли у Платона о месте поэта «на периферии социального мира» [3, с. 339]. Человек, ориентированный на духовность, расценивается как невключённый в систему любого государства, непризнанность становится следствием принадлежности к культуре.

Б. И. Иванов проводит аналогию между развитием неофициальной литературы в 1950-1960-е годы и общеевропейским движением XVI-XVIII вв., в рамках которого происходило «высвобождение опыта из раз и навсегда данных интерпретаций, доверительное отношение к чувственно-непосредственной достоверности и провозглашение примата –естественности”, утверждение независимости разума индивида» [2]. Таким образом, неподцензурное движение вводится в контекст мировой истории культуры.

Продолжая сопоставление с культурой прошлого в статье «По ту сторону официальности» [5] Б. И. Иванов указывает на схожесть ценностных установок неофициального движения 1960-х годов с творчеством Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова.

В биографиях русских писателей XIX века внимание акцентируется на признаках, уже определённых как характеристики «духовной» ориентации, что позволяет включить современников автора – деятелей андеграунда – в единое с классиками пространство: социальная неадаптированность становится показателем единых основ творчества. Статус неофициальных литераторов повышается за счёт объединения их с классиками. Так, в качестве примера личности, не вписывающейся в устройство социального мира, приводится Ф. М. Достоевский. «Николай I был прав, когда написал на полях дипломного проекта Ф. Достоевского, что-то вроде: –Дурак”, – выпускник военно-инженерного училища забыл в чертеже крепости предусмотреть, хотя бы единственные ворота, и прав был Ф. М. Достоевский, который не менее решительно подал в отставку, не прослужив в военном ведомстве и года» [3, с. 328].

Система оценивания переворачивается, отказ в публикации трактуется как удостоверение в установке на высшие ценности. Неофициальное творчество оказывается продолжением линии развития культуры, а значит, современным этапом развития русской литературы и частью мировой литературы.

В работе «Экзистенциализм?... Мимо» [7] Б. И. Иванов на основе статьи Г. С. Померанцева «Некоторые особенности духовной модернизации Востока» рассматривает «Незападные» страны и пути их преобразования в государственные системы «Западного» типа. Необходимым условием этого процесса указывается наличие интеллигенции, которая определяется следующим образом: «это деятели культуры, отстаивающие право на предмет познания и свободу выражения – на неавторитарное творчество в социально-исторической ситуации, при которой культурное, неавторитарное, творческое не обладает институализированным статусом. Интеллигенты не проговорили 19 и 20 века, они создали русскую культуру» [Там же, с. 154-155]. Интеллигенция рассматривается как сила, приводящая государство к соблюдению демократических норм и прав личности, она создаёт культуру, а только при наличии последней в обществе возможно действительное следование демократическим нормам. При этом интеллигенция определяется через те же понятия, через которые в предыдущих статьях («Две ориентации. Общество» [3]; «Возвращение парадигмы» [2]; «По ту сторону официальности» [5]) обрисовывалось независимое культурное движение: через стремление к непосредственному исследованию жизни вне готовых схем. Таким образом, представители андеграунда понимаются как наследники интеллигенции XIX-XX вв., а неподцензурное творчество – как продолжение русской классической литературы.

Официальное искусство лишается права быть причисленным к культуре в силу своей принадлежности к «социальной ориентации». Наименования «поэт», «философ», «художник», «учёный» обозначают в социуме «чиновников, служащих, исполнителей заказов» [3, с. 347]. Выбор пути в неподцензурную литературу объясняется онтологической направленностью человека, что означает априорную принадлежность к культуре представителей андеграунда.

Важно, что «культура» определяется не как совокупность произведений, а как некая часть общества, направленная на постижение истины. В отсутствии возможности широкого выхода к читателю в центре рассмотрения оказывается не произведение искусства, а сам автор и интенции его творчества. Такой взгляд позволяет закрепить представление об отсутствии строгой необходимости публикации в государственных изданиях, что опять же способствует формированию идеи самодостаточности независимого движения.

Итак, теория, разработанная Б. И. Ивановым, закрепляет за андеграундом статус единственного носителя культуры в обществе, тем самым показывает не только ненужность включения в систему официальных отношений, но и невозможность этого в силу изначальных духовных установок. Наличие свободной литературно-художественной среды как оформившегося социального феномена является, по мнению Б. И. Иванова, необходимым условием построения гражданского общества. «Демократические нормы пусты, если они, как соты, не заполнены «мёдом культуры». Уважение прав личности остаётся формальным до тех пор, пока члены общества лишь преданно следуют отечественным или западным авторитетам, – значение личности доказывается преданностью истине, человечности, способностью открывать новые возможности бытия в рутинном и бесперспективном мире» [Там же, с. 328]. Так как в теории Б. И. Иванова андеграунд становился носителем культуры, то его дальнейшее развитие должно было логически привести к демократизации государства. Парадоксальным образом в идеологии независимого движения одновременно постулируются дистанцирование от социально-политической жизни и глобальный проект преобразования устройства страны.

Разработанная философия реализовалась в принципе отбора художественных произведений редакторами «Часов». Антииерархичность и отрицание возможности предъявления требований к творчеству как основополагающие характеристики «за-социальной» ориентации проявились в том, что цензура в издании была сведена к минимуму, отсутствовало какое-либо идейное или художественное направление. Были созданы условия для того, чтобы каждый желающий имел возможность быть напечатанным. Любой автор мог принести десять страниц текста, которые будут опубликованы в журнале. Таким образом, отсутствие конкретного направления в «Часах» уже обозначало определённую ценностную установку на свободу авторского самовыражения, на неприятие канона в искусстве. То есть отказ от идеологического отбора уже являлся принципом, вписывающимся в общую концепцию неофициального движения.

Итак, журнал «Часы» должен был способствовать образованию единого пространства неофициальной культуры и формированию самосознания независимого движения. На страницах издания закреплялась трактовка истории нонконформистского искусства, вырабатывалась его терминология. Так, понятия, выведенные Б. И. Ивановым в теоретических статьях, помещённые в первых номерах журнала и интерпретированные согласно идеологии независимого движения, такие как «культура», «социум», «институализация культурного движения» были взяты авторами статей об эпохе самиздата, созданных уже как ретроспективный взгляд на эпоху. И, что самое главное, «Часы» стали воплощением идеи главного редактора Б. И. Иванова о том, каким должно быть неофициальное движение. «Часы» стремились, во-первых, наиболее полно отразить происходящие в среде андеграунда культурные события, опубликовать наибольшее количество авторов. Во-вторых, стимулировать творческую жизнь независимого сообщества через обсуждение прошедших мероприятий, анализ произведений, проведение семинаров и конференций. В-третьих, создать онтологическую основу для понимания неподцензурного искусства: его особенностей и места в исторической ситуации. Соединение всех этих аспектов и выражало идею организованного движения, которая проявилась в деятельности журнала.

Список литературы

1. Горичева Т. М., Кривулин В. Б., Рудкевич Л. А. От редакции // 37. 1976. № 1. С. 1-4.
2. Иванов Б. И. Возвращение парадигмы // Часы. 1977. № 6.
3. Иванов Б. И. Две ориентации. Общество // Часы. 1976. № 1. С. 305-361.
4. Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950-80-е годы». С.-Петербург, 25-27 апреля 1992 г.) / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1993. С. 82-89.
5. Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. 1977. № 8. Без нумерации.
6. Иванов Б. И. Повторение пройденного // Часы. 1978. № 12. С. 235-265.
7. Иванов Б. И. Экзистенциализм?.. Мимо // Часы. 1978. № 10. 144-173.
8. Материалы конференции «Нравственное значение неофициальной культуры» // «Сумма» – за свободную мысль. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 172-173.

JOURNAL “CHASY”: FORMATION OF INFORMAL CULTURAL MOVEMENT IDEOLOGICAL FOUNDATIONS

Pankratova Elena Vladimirovna
St. Petersburg State University
pashamechic@mail.ru

The article considers the social-cultural functions, assumed by the typewritten journal “The Chasy” (1976-1990) in the process of Leningrad independent movement formation. One of the journal objectives was the development of new ideology in which informal environment would take righteous place. This theory was expressed in the works of B. Ivanov, published in the first issues. The main characteristics of “the second” culture, defined in the articles, were represented in the principles of the journal publication.

Key words and phrases: underground; “the second” literature; informal cultural movement; uncensored literature; samizdat (dissident underground press in the USSR).